

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 42 (1823)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Дугина «Час панголина. Диалектика закрытости», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 7 апреля 2020 года.

Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/chas_pangolina_dialektika_zakritosti

Вологда
апрель 2020

Час панголина. Диалектика закрытости

Чем скорее это признают те, кто способны принимать решение в чрезвычайной ситуации, тем лучше

Конец открытого общества

Меры, принимаемые для борьбы с пандемией коронавируса, сводятся обобщенно к одному: к закрытости. Если учесть, что предыдущей универсальной парадигмой, по крайней мере, в теории, выступало глобальное, либеральное, рыночное открытое общество, где доминантой была идеология прав человека, то есть индивидуума в отрыве от гражданства, государства, религии, расы и даже пола, то коронавирус представляет собой смену главенствующего в человечестве тренда ровно на 180%. Мы имеем дело со стремительным обрушением открытого общества, к которому мы худо-бедно, с отступлениями и торможениями, шли, и со столь же стремительным становлением закрытых обществ. Маленький экзотический зверек панголин, похожий на муравьеда, броненосца или ожившую шишку, при помощи обаятельных летучих мышек, мгновенно обрушил всю созданную человечеством мировую систему. Конечно, эта система в последнее время функционировала все более и более трудно, проблемы и сбои в проекте мировой финансовой элиты нарастали – подъем Китая, Путин и его суверенная политика, Брекзит, популизм и даже критик глобализации и националист Трамп, - но все же никто из серьезных мировых игроков не ставил цель движения человечества под сомнение. Ей по умолчанию считалось открытое общество, пусть не столь радикально и безотлагательно создаваемое, как хотели того прогрессисты и фанатичные последователи Джорджа Сороса, лихо отработывающие его гранты, но все же именно оно. И вот эту фундаментальную конструкцию в одночасье опрокинул панголин. Отныне он – символ победившего антиглобализма, эмблема закрытого общества.

Открытое общество рухнуло, началась эпоха закрытия – час Панголина.

Переход к закрытому обществу состоялся

Процесс закрытия имеет несколько уровней. Никакой единой модели не существует, хотя человечество знало эпохи распада Империй. Последний из них был СССР, из осколков которого появилось несколько новых государств. Но логистическая и идеологическая проблема становления постсоветских режимов решалась прямым копированием Запада и встраиванием (с разной скоростью и по разным схемам) в глобализм. Распад Российской, Австрийской и Османской Империй в начале XX века также компенсировался строительством на их территориях национальных государств по лекалам Западной Европы, чья Вестфальская система в тот период казалась оптимальной. Так же дело обстояло и с деколонизацией Азии, Африки и Латинской Америки, когда уход колониальных властей восполнялся прямым копированием западно-европейских политических моделей – преимущественно, буржуазных демократий с некоторыми вариациями в сторону социализма или национализма, но снова все еще по логике имитации Европы.

Принципиальное отличие политической эпохи Панголина состоит в том, что обрушение глобального либерального миропорядка происходит в условиях, когда никакой однозначно приемлемой для всех универсальной альтернативы не существует. Конечно, лучше всех себя показал в борьбе с коронавирусом социалистический Китай, но совершенно очевидно, что:

- в отличие от стран постсоветского пространства в отношении капитализма и Запада никто или почти никто сегодня не готов принять китайскую модель как безусловную и функциональную альтернативу;
- сам Китай слишком глубоко связан с глобализацией и мировой капиталистической экономикой, которую он, хотя и смог использовать в интересах Китая, но существенно изменить не сумел, нуждаясь

в будущем в той экономической открытости, которая как раз и была важнейшим источником китайского чуда, а сегодня рухнула:

· и наконец, китайская модель неразрывно сопряжена с особенностью именно китайской цивилизации, где общество предельно солидарно, упорядоченно и хорошо организовано само по себе, что во многом облегчает централистскую политику власти и создает культурные предпосылки для устойчивого и функционального национального – глубоко китайского – социализма.

Остальные же страны вообще не имеют никакого плана и проекта, и лишь инстинктивно закрываются. Фактически вся мировая политика сводится к одному: к степени и радикальности закрытия. Именно закрытие становится главным вектором мировых политических, экономических, и в скором времени, идеологических процессов. Китай победил коронавирус (если он на самом деле его победил окончательно) именно с опорой на закрытость и жесточайший карантин, введенный наряду с режимом Чрезвычайной Ситуации. Для жесткой партийной социалистической системы Китая это, однако, не было чем-то исключительным, просто власть в очередной раз продемонстрировала, что тотальный контроль Компартии над обществом – это наилучшая форма политической организации. Но практически для всех остальных – быть может за исключением Северной Кореи – закрытие это нечто совершенно новое, немыслимое и почти невозможное. Пойти на него по собственной воле не могло никакое государство, и мировое сообщество немедленно объявило бы такую закрытость «диктатурой» и подвергло бы остракизму, а то и военному вторжению. Сегодня же в той или иной степени закрытость уже произошла во всех странах, включая США и страны Евросоюза, то есть весь мир оказался в условиях Чрезвычайного Положения (Ernstfall).

Ещё вчера такое представить было невозможно. А сегодня это свершившийся факт.

Переход к закрытому обществу состоялся. Конечно, сегодня у правителей и населения еще жива и преобладает иллюзия, что после победы над пандемией все вернется на свои места и мир снова станет открытым или, по крайней мере, двинется в том направлении, но все громче звучат голоса тех, кто начинает понимать, что этого не произойдет, что с глобализмом покончено и что отныне именно закрытость будет главным законом политической и социальной организации. А вот примеров и образцов этому – по крайней мере в настоящем – нет. Вместе с глобализмом рушится та модель миропорядка, которая стала после падения СССР единственной и безальтернативной. Следовательно, никакой надежной модели, которую можно было бы взять за образец, в этих условиях нет. Мы знаем, что на место открытого общества приходит закрытое общество, но «что это такое», «каким это общество будет», «что означает подобная закрытость» и «к чему она приведет, во что выльется», наверняка ответить не может никто. Именно это делает нашу ситуацию столь критической, катастрофичной и вместе с тем увлекательной. Будущее человечества снова на мгновение становится свободным – появляется простор для воображения, созидания и борьбы, чего, по сути, не было с момента объявления глобалистами «конца истории».

Уровни закрытости

Закрытость, которая автоматически сменяет собой глобализм, имеет несколько уровней. Если до этого было открыто все, – более или менее границы, рынки, сети, города, территории, способность передвижения и гражданские свободы, – то вполне логично, что инстинктивная – пандемическая – закрытость будет столь же тотальной. Так как глобализация свернута не по собственной воле, на чем настаивали сторонники многополярного мира или такие националисты как Трамп или европейские правые популисты и евроскептики, то никто не подготовил политико-экономическую, социальную и правовую базу для такого сдвига. Час Панголина застал мировое сообщество врасплох, и у процесса закрытия нет никакого четкого сценария – каждый закрывается как может.

Сейчас можно выделить следующие уровни закрытости, уже явственно обозначенные на практике, а в теории приобретающие все более и более отчетливые черты:

· закрыты границы национальных государств – для товаров, транспорта, перемещения лиц и в скором времени для осуществления транзакций, то есть все государства ввели принудительно принцип тотального и абсолютного суверенитета (полный крах либеральной модели наднациональных институтов – в том числе Евросоюза, а также ООН и т.д.);

· закрыты некоторые города и области от остальных территорий национальных государств, что ставит барьеры для транспорта, а также перемещения товаров и услуг (кроме военных, врачей и продуктов первой необходимости) уже внутри государств;

· карантин, режим самоизоляции и Чрезвычайное Положение привели к закрытию отдельных граждан, домохозяйств и семей в своих квартирах и домах с запретом покидать их (за исключением крайней необходимости).

Эти три уровня закрытости немедленно формируют новую типологию власти, резко смещающуюся от общего к частному, от глобального к локальному.

Во-первых, парализуются и фактически упраздняются глобальные институты, чьи решения не могут быть ни выполнены, ни даже учтены в условиях отчаянного выживания закрытых обществ. Если такая ситуация продлится еще хотя бы некоторое время, мировая экономика, финансовая система, глобальный рынок и всевластие экономических элит рухнет. После того, как глобальные институты не смогли справиться с коронавирусом на первом этапе, предоставив это национальным государствам и не выработав никакой общей стратегии, их престиж стремительно и безвозвратно рухнул.

Но и национальные правительства, на которых – даже против их воли – свалилась суверенная власть, оказались ограниченными в своих действиях. По сути они должны ввести Чрезвычайное Положение (как это произошло в нескольких странах) и установить режим диктатуры, взяв на себя полноту ответственности. Но явно почти никто из мировых лидеров не готов к исполнению таких диктаторских функций, так как власть в условиях глобализации была минимализированной, демократически ограниченной и сводилась к менеджменту, ответственность за который была распределена между несколькими институтами – и в частности, переносилась во многом на само гражданское общество. Подвешивание демократии и установление диктатуры требует совсем иных качеств, которых явно не хватает даже у тех, кого полемически считали «диктаторами» в благополучных условиях глобализма.

Но закрытие стран без установления диктатуры будет означать дальнейшее обрушение полномочий глав этих стран и передачу их на более низкий уровень.

Таким образом резкое усиление суверенитета без готовности к введению сильной и жесткой диктатуры не решает задачу, тем более что вся политическая элита обучалась прямо противоположному – не концентрации власти и действиям в чрезвычайных обстоятельствах, а напротив, демократизации и усиления роли гражданского общества. К полноценной диктатуре закрывшиеся помимо своей воли национальные государства морально не готовы.

Это значит, что центр тяжести спускается еще ниже – на уровень министерств и ведомств, прямо уполномоченных противостоять пандемии и региональным властям. Медики, полиция и военные, а также губернаторы и мэры по факту отвечают за ситуацию, и если диктатура не вводится на национальном уровне, она смещается на локальный. И здесь перед лицом гибнущего и доведенного до отчаяния населения (и с точки зрения санитарии и здоровья, и с точки зрения психологии, и – что может быть важнее всего - с точки зрения экономики) именно локальные власти и отдельные ведомства вынуждены становиться в позицию авторитарной власти, отвечающей за все – в том числе и за применения насилия. Так создаются предпосылки для территориального и институционального дробления существующих государств, и возникновения региональных диктатур. Поскольку рухнет весь миропорядок, нельзя быть уверенным, что временное и вынужденное наделение чрезвычайными полномочиями не перерастет в нечто более устойчивое и необратимое. ***Так закрытость вполне может фрагментировать и пространство национальных государств.***

И наконец, закрытость в собственных домах в режиме изоляции создает совершенно новые условия для восстановления семейных иерархий. В нормальных условиях глобализации в последние десятилетия активно развивались тенденции гендерного равенства, планомерно разрушался институт семьи, центр тяжести перемещался в социальные связи и сети, основанные на индивидуальном принципе. В чрезвычайной ситуации в замкнутом пространстве вся эта гендерная структура с необходимостью подвергается испытанию. Отсюда неизбежный резкий всплеск домашнего насилия, микродрам, установление диктатуры главы семьи (не обязательно мужчины) или стремительной десоциализации и своего рода «одичания» одиноких людей, столкнувшихся в период изоляции со своей «заброшенностью», от которой более невозможно отвлечься.

Более того, закрытость отдельных людей и семей заставляет их искать новые ориентиры и новые стратегии выживания. Столкновение с приостановкой их гражданских прав и свобод переживается как психологическая, социальная и политическая катастрофа, тем более, когда никакой подготовки к диктатуре не было, и более того, в условиях карантина и изоляции власти полной ответственности за население нести не собираются. Это порождает предпосылки социального взрыва и полную делигитимацию действия властей любого уровня – от глобальных до национальных и региональных.

Час Панголина ведёт к глубокому переформатированию гражданского сознания.

Военная диктатура и чумные советы

То, что сейчас осуществляется переход от открытого общества к закрытому, это факт. Но также фактом является то, что за исключением Китая (и то - это лишь допущение) никто не имеет внятной картины того, каким будет новое закрытое общество. Пока в элитах преобладает надежда, что закрытость есть инстинктивная и временная мера, и после победы над коронавирусом ситуация, пусть и с трудом, но вернется к тем параметрам, которые существовали до начала эпидемии. Час Панголина считают лишь кратковременным моментом, который принес и еще принесет множество катастрофических последствий, но в скором времени он закончится и все вернется на свои места.

Иными словами, элиты – ни глобальные, ни национальные, ни региональные, ни даже главы семей - не воспринимают закрытость как фундаментальное условие социально-политического и экономического будущего. И следовательно, закрытость интерпретируется ими как нечто преходящее и не требующее концептуализации. *«Пусть все какое-то время идет само собой, а потом мы постараемся всё вернуть к нормальной жизни».*

Такое отношение вполне понятно и объяснимо, но оно не отменит логики закрытости. Просто по мере того, как элиты будут уклоняться от ответа на вызов часа Панголина, а фактическая закрытость будет продолжаться вместе с эпидемией, спонтанно будут складываться те, кто примут этот вызов вместо правящих элит и включатся в организацию закрытости. В. Парето называл это явлением «контрэлит».

Уже сейчас можно предположить, каковы их очертания.

На национальном уровне естественнее всего выступить на первый план силовикам и особенно армии. Паралич центральной власти (неготовность к диктатуре) и самоуправство региональных властей, которые либо будут сметены восставшими гражданами, либо в противном случае установят режим регионального полновластия, породит политико-социальный и экономический, а также санитарно-эпидемиологический коллапс. Единственной силой в таких обстоятельствах, которая могла бы выступить эффективно в условиях Чрезвычайного Положения, окажется армия. Военные при этом могут списать прежние ошибки на отстраненные правящие элиты. Если такая военная диктатура может начаться с чисто технических функций, в какой-то момент ей придется сформулировать идеологию закрытости на основании тех ценностей и традиций, которые преобладают в данном конкретном обществе и более или менее удовлетворяют запросам населения. Нынешние элиты, ожидающие лишь когда все закончится, в этом направлении даже не будут думать, а военные, которым не составит труда их ликвидировать, вынуждены будут обосновать диктатуру идеологическими принципами.

С другой стороны, на вызов закрытости могут и в какой-то момент вынуждены будут откликнуться сами граждане, поставленные пандемией в экстремальные условия выживания. В таких условиях индивидуализм будет несовместим с жизнью и возникнет острая нужда в определенной консолидации и самоорганизации. Это может произойти в форме протеста против неэффективности существующих национальных или региональных элит, а при определенных обстоятельствах - в виде спонтанного противодействия установленной военно-медицинской диктатуре военных. Но и в этом случае для самоорганизации потребуется некоторая идеология, которая обоснует стратегию на период «часа Панголина» – стратегию борьбы с вирусом, принципы взаимодействия на уровне локальных поселений и общин вплоть до создания стихийных выборных органов прямой демократии – своего рода «чумных советов» или «общин Панголина». Если власть не ответит на закрытость и не сформулирует внятного концептуального – идеологического – проекта, это придется делать населению в спонтанном режиме. Очевидно, что и здесь, как и в случае военной диктатуры, постепенно сложится своего рода «идеология», также связанная с культурой и обычаями конкретного народа или даже отдельного поселения.

Вывод, который напрашивается из этого анализа прост:

- либо власть концептуализирует новые условия постглобальной закрытости и сформулирует на основе этих концепций новую идеологию и новую стратегию.
- либо это произойдет вопреки власти со стороны новых политико-социальных акторов, которые вынуждены будут компенсировать растерянность и бездействие элит спонтанными действиями и формами организации.

Так как современные элиты – и это касается практически всех обществ (снова за исключением Китая) – так или иначе сформировались в контексте либерального глобализма и впитали аксиомы и догмы открытого общества, то они совершенно не готовы для первого сценария, то наиболее вероятным следует считать второй.

Час Панголина пробил. Чем скорее это признают те, кто способны принимать решение в чрезвычайной ситуации, тем лучше.

Александр Дугин